

Небесные врата открылись, и Семён Яковлевич Чугункин вышел наружу.

– Смотри, Сёма, у тебя ровно сутки на посещение Санкт-Петербурга и ни секунды больше. Будь паинькой, – ласково предупредил его апостол Пётр.

– Да, да, будь паинькой, – прощально улыбнулся апостол Павел, смахивая слезу, – и возвращайся скорей, мы без тебя скучать будем. Вот тебе командировочные триста рублей, это средне-суточные современного пенсионера. Погуляй по полной и нам сувенирчики принести не забудь.

Семён Яковлевич благодарно улыбнулся доброй застенчивой улыбкой любящим апостолам и с душевным трепетом ступил на грешную землю. Накануне небесная канцелярия выписала Семёну Яковлевичу однодневный отпуск за хорошее поведение, и он решил провести его в своём родном городе. Ранним июньским утром две тысячи седьмого года левая нога Чугункина, обутая в модный американский кроссовок, осторожно коснулась дворцовой площади Санкт-Петербурга. Так же осторожно ступила на брусчатку и вторая нога бывшего революционного матроса с крейсера «Аврора». Чуть покачиваясь, – то ли от слабости, то ли от волнения, то ли в силу морской привычки, – Семён Яковлевич медленно двинулся к Зимнему дворцу. Нахлынули воспоминания, а за ними и слёзы. Всё осталось по-прежнему, как в старые добрые времена, ничего не изменилось. Вот только перед дворцом стояла огромная металлическая конструкция, отдалённо напоминающая скромную революционную трибуну времён жизни Семёна Яковлевича. «Всё правильно, всё верно. Для больших вождей – большие трибуны», – подумал Чугункин и мечтательно вздохнул, представив себя на высоком постаменте. Постояв минут пять у конструкции, Семён Яковлевич повернулся и зашагал к Дворцовому мосту. Ах, как было всё чудесно, как здорово начинался отпуск! Навстречу Семёну Яковлевичу шли люди в удивительных

одеждах, мимо пронеслись диковинные авто, утреннее солнце играло золотом на Адмиралтейском шпиле, и воздух вокруг заполнялся запахом счастья. «Господи, как хорошо, как замечательно идти свободным шагом по городу победившего коммунизма! – млея от восторга Семён Яковлевич, подходя к Биржевой площади. – Какая красота, какое величие!» – вытирал слёзы радости Чугункин, охватывая взглядом панораму Питера. Отличное настроение не покидало Семёна Яковлевича вплоть до Петропавловской крепости, и только у Петропавловского собора по лицу революционного матроса пробежала первая тень. Пожилая супружеская пара, двигаясь почти рядом с Чугункиным, переговаривалась между собой.

– И всё-таки, Гриша, зря ты розы купил Николаю Александровичу, нужно было хризантемы, – выговаривала седовласая дама своему спутнику.

– Да ты что, Катюша, как можно хризантемы? – укоризненно покачал головой высокий сутуловатый старик. – Император Николай принял вместе с семьёй смерть жуткую, кровавую. Как раз розы пурпурные на могилу государю только и подходят. А то хризантемы, будто бабе какой!

Семён Яковлевич аж приостановился и рот открыл от изумления, услышав, что пара несёт цветы на могилу царя.

– Товарищи, вы про какого такого Николая Александровича тут только что говорили? – вытаращился он на супругов.

– Как про какого? Про Николая Второго, конечно же, – ответил сутулый старик.

– Второго? Кровавого?

– Какого кровавого? – возмущилась седовласая дама. – Святого, принявшего смерть лютую от большевиков.

– Как, как? – у Чугункина отвисла челюсть. – Кто святой? Николай святой? С каких таких пор? За какие такие заслуги?

– Да вы что, батенька, из лесу только вышли, телевизор не смотрите, газет не читаете? – отступил на пару шагов от странного прохожего старик, заподозрив в нём что-то неладное. – Николай Александрович с семьёй уже несколько лет как к лику святых причислены, с тех пор как в соборе Петропавловском их прах упокоился.

– Прах упокоился? Здесь в Петропавловке? – ещё больше изумился Чугункин, потемнев лицом. – Вы шутите?

– Какие шутки, какие шутки! – разволновался старик. – Я вам не мальчишка какой, чтобы шутки шутить. Пойдите да сами посмотрите.

– Этого не может быть, – бормотал себе под нос Чугункин, выходя на ослабевших ногах из собора через двадцать минут. – Не может быть этого! Всё бред и полная прострация, и я не в Ленинграде, и не на этом свете.

Люди оборачивались вслед странному человеку, бредущему по Троицкому мосту и громко разговаривающему с самим собой. Перейдя через мост, Семён Яковлевич нетвёрдой походкой двинулся по набережной к Летнему саду. Его взгляд беспорядочно блуждал по сторонам, не фиксируя практически ничего. Только один раз глаза Чугункина на мгновение осмысленно задержались на крейсере «Аврора» и тут же вновь потускнели. Чуть не попав под колёса автомобиля, Семён Яковлевич перешёл через набережную и еле добрёл до ближайшей свободной скамейки Летнего сада. Из оцепенения его вывел низкий старушечий голос, прозвучавший совсем рядом.

– Оля, ты крепись, Оля, слышишь, крепись. Что уж теперь. Андрея не вотишь, а тебе ещё жить.

– Да как жить-то, Маша, как жить-то? – еле слышно раздалось в ответ. – Ведь немислимо одной-то, невозможно. Мы с Андрюшей еле концы с концами сводили, а ведь у него пенсия не чета моей была, ветеранская. А я как на свою учительскую? Страшно.

– Оля, может, всё ещё обойдётся, – неуверенно дрогнул низкий голос. – Обещали ведь и в следующем году прибавку сделать к пенсии.

– Маша, о чём ты говоришь, какая прибавка? – перешёл на шёпот печальный голос. – Эта прибавка – как мёртвому припарка. Это как к нолю прибавить ноль, результат один и тот же.

Семён Яковлевич, выйдя из полусознательного состояния, с интересом скосил глаза вправо. В полуметре от него, сгорбившись, сидели две старушки. Одна, полноватая, в коричневом платье и коричневых туфлях-лодочках, нежно гладила ладонь другой, маленькой и худенькой, в чёрной юбке и коричневой блузке.

– Ну что ты, Оля, ну что ты, – продолжала гладить руку подруге полноватая старушка. – Жить-то надо, бывали ведь времена и хуже, и ничего – выжидали. В войну вон какие ужасы творились.

– Когда хуже-то, когда, Маша? – заплакала собеседница. – Мне на эти деньги не выжить. Не смогу я и за комнату платить, и за лекарства, и за питание, а от чего ни откажись – всё едино, смерть.

– Ну что ты, Олечка, ну что ты. Люди же кругом, помогут.

– Ты как с Луны, Маша. Кто сейчас поможет, кому мы, старые, нужны? Слова, слова. А когда Андрюше срочная операция потребовалась, мне так прямо и сказали: готовь, мол, мать, тысяч семьдесят в валюте, тогда вылечим, а бесплатно сегодня и палец о палец никто не ударит. А Андрей ведь фронтовик, орденосец, всю жизнь на Кировском в токарях отходил, с грамотами и благодарностями. Какая у нас валюта, у нас и в рублях-то отродясь такой суммы не было!

– Извините, – постучал пальцем по плечу старушки Чугункин. – Я не разобрал, в какой такой валюте?

– В долларах, в какой же ещё, – повернула та голову.

– В долларах? За операцию? – по лицу Семёна Яковлевича пробежала тень.

– Ну да, а чего вы так удивляетесь? – недоуменно пожала плечами старушка. – Наши-то деньги давно не в ходу, берут или в долларах, или в еврах.

– Но у нас же бесплатная медицина! – неожиданно прокричал ошарашенный Чугункин.

– Фу ты, – отшатнулась в сторону старушка. – Маша, ты посмотри на этого молодого человека. Если ты с Луны упала, то он явно с Юпитера шандарахнулся. Юноша, в какие времена это было?

– Как в какие? В наши, в наши времена, советские! – продолжал выкрикивать Семён Яковлевич, привлекая к себе внимание гуляющих. – Мы за это кровь проливали, жизни отдавали, революцию делали!

– Маша, да он сумасшедший, Маша! – испуганно вскочила на ноги пенсионерка и, уходя, бросила: – Какие советские времена, молодой человек, да они уже двадцать лет как антисоветские!

– Какая валюта, какие доллары? – доносилось вслед уходящим подругам из глубины Летнего сада. – Это же незаконно! За это же расстрел! Что за бред? У нас же свой твёрдый червонец имеется, твёрже некуда! Где я? Что со мной?

– Пить меньше надо, – рассмеялись рядом.

Чугункин тяжело поднялся со скамейки и потерянно поплёлся по центральной аллее в сторону Михайловского замка. Выйдя на Садовую, Семён Яковлевич вскоре очутился на Невском проспекте. В его глазах уже не было утреннего энтузиазма и восторга, в них появились подозрительность, испуг и недоверие. Он вдруг, к ужасу своему, заметил нищих, сидящих у подземного перехода. Нищие были и в самом переходе. Грязные, оборванные, в худой обуви, они резко контрастировали с праздной толпой, гуляющей по обе стороны Невского проспекта. Семён Яковлевич, занятый своими мыслями, сразу даже и не понял, как очутился внутри Гостиного двора, а когда всё-таки понял, где находится, то рот раскрыл от изумления. Изобилие вещей настолько поразило его, что он на какое-то время забыл о недавних горьких думах и полностью растворился в магазинной суете. Чугункин ходил по бутикам, как по музеям, восхищённо рассматривая диковинные товары, выставленные на продажу. Эта экскурсия продолжалась около часа, пока взгляд командированного случайно не упёрся в крупный ценник, висевший на очередной красивой безделице. Когда до Чугункина дошло, сколько стоит эта безделушка, у него от удивления отвисла челюсть.

– Мужик, vareжку-то прикрой, а то потеряешь, – хлопнул Семёна Яковлевича по плечу подошедший сзади охранник. – Чего раззявился, будто обкурился, или купить хочешь?

– Это что? – кивнул на вещицу Чугункин.

– Шкатулка.

– А она из чего?

– Да не из чего, из дерева.

– А это что? – указал пальцем на ценник Семён Яковлевич.

– Цена, – снисходительно усмехнулся охранник.

– В рублях? – округлил глаза Семён Яковлевич.

– А то в чём же.

Чугункин, закашлявшись, достал из кармана триста рублей, выданные ему в раю на мелкие расходы.

– И это все твои деньги?

– Ага, – кивнул Семён Яковлевич.

– Ну, мужик, с такими «бабками» тебе не сюда надо, а куда-нибудь поближе к Кировскому заводу, где собачьи сосиски и водка палёная по полтора ста рябчиков. Ну, или край на Багамы.

– Куда-куда? – встряхнул головой Чугункин, в которой вдруг отчётливо прозвучало: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!»

– На Багамы, к олигархам поближе, там как раз твоих «бабок» достаточно – года на два-три, а то и больше будет.

Чугункин вновь затряс головой.

– Да ты случаем не припадочный? – заволновался охранник и крепко взял Семёна Яковлевича за локоток. – А ну-ка пойдём до выхода на воздух.

Выпроводив странного посетителя за порог бутика, охранник вернулся на своё место. Чугункин же, не переставая трясти головой, вышел из Гостиного двора и, пошатываясь, побрёл в направлении Литейного проспекта.

– Эй, придурок, сигареты есть? – толкнул в бок Чугункина низкорослый пацанёнок с грязным опухшим лицом в мятой несвежей одежде.

– Ты что, беспризорник? – профессионально сощурил глаз Семён Яковлевич.

– Мужик, у тебя сигареты есть? – повторил вопрос маленький бомжик.

– Нет, не курю.

– Придунок не курит, – тут же утратив к Чугункину всяческий интерес, пацанёнок отошёл к стоящим в стороне таким же бомжатам.

– Как же так? Как же так? – забубнил себе под нос Семён Яковлевич, глядя вслед удалявшейся стайки ребятишек. – Мы же их всех, всех переловили, всех в люди определили. Они у нас все при деле оказались! Как же так? Как же так?

Свернув на Литейный, Чугункин медленно поплёлся к Неве, внимательно осматриваясь по сторонам. Люди уже не казались Семёну Яковлевичу такими беззаботными и счастливыми, как утром. Лица многих прохожих были мрачными, усталыми и озабоченными. Время от времени навстречу попадались стайки неопрятно одетых детишек, спешащих куда-то по своим делам. И каждый раз, когда эти стайки приближались к Чугункину, начинал громко звучать отборный мат, какого Семён Яковлевич не слышал даже во времена совершеннейшей разрухи конца гражданской войны. Тут и там молча сидели нищие, обречённо ожидая подавания. Часто встречались мужики и бабы с пропитыми рожками и кучей разных пакетов в руках. Да и здания вдоль проспекта уже не выглядели столь опрятно и празднично, как казалось Семёну Яковлевичу на первый взгляд. Отвалившаяся штукатурка, облупившаяся краска, полусгнившие рамы, обшарпанные парадные – буквально всё резало глаза.

Выйдя к берегу Невы, Чугункин минут пятнадцать задумчиво смотрел на крейсер «Аврора», а потом резко повернулся и уверенно зашагал по Шпалерной улице в сторону Смольного. К Смольному Чугункина не пустили даже близко.

– Куда? – загородил ему путь здоровенный амбал, охранявший ворота.

– К секретарю обкома партии, – попытался обойти преграду Семён Яковлевич.

– К какому такому секретарю апкома? – на плечо бывшего матроса опустилась тяжёлая рука.

– К первому, к Сергею Мироновичу, – Чугункин попытался сбросить руку амбала.

– А пропуск у тебя есть? – давление на плечо только усилилось.

– Мандат, что ли?

– Ты чё выражаешься, козёл! – голос охранника наполнился угрозой, и рука ещё больше сдавила плечо. – Ты кого посылаешь, доходягя? Документ покажи!

– Нет у меня никакого документа, – взвизгнул от боли Семён Яковлевич. – Я член партии с шестнадцатого года, матрос с «Авроры», лично знаком с Сергеем Мироновичем Кировым. Мне не нужен документ, меня тут все знают, я сам в органах с гражданки!

– Да хоть с самим Путиным, – амбал резко развернул Семёна Яковлевича от себя и нанёс ему увесистый пинок под зад. – Пшёл отсюда, козёл, пока живой! Делать тут нечего, как только бомжей принимать.

Семён Яковлевич, потеряв равновесие, растянулся на асфальте. От обиды и злости на глазах у него выступили слёзы.

– Ах ты, мурло нэпмановское! Ах ты, контра недобитая! – вскочив на ноги, бросился на амбала с кулаками Чугункин. – Да тебя за это обращение под трибунал и к стенке!

Не ожидавший такой ответной прыти, охранник на мгновение растерялся и отступил в сторону, но почти тут же спохватился и вновь развернул нападавшего к себе спиной. Повторный пинок был настолько мощным, что Семён Яковлевич просеменил мелкими шажками метров десять и растянулся во весь рост на проезжей части, чуть не угодив под колёса навороченного автомобиля с мигалками на крыше.

– Ещё раз сунешься, козлина, – останешься инвалидом до конца дней своих! Понял? – угрожающе прозвучало из-за ограды в сторону Семёна Яковлевича.

– Как же это? Что же это? – всхлипывал Чугункин, хромая по Синодской набережной. – Неужели троцкисты, неужели враги?

Джинсы на его правой ноге порвались ниже колена и клёшем болтались в разные стороны. На белой майке с надписью «Россия» отчётливо выделялось грязное серое пятно, оставшееся после падения на мостовую. Волосы Семёна Яковлевича взъерошились, щёки нервно подёргивались, а глаза налились кровью. Вечерний вид Чугункина нисколько не напоминал того благодушного туриста, каким Семён Яковлевич спустился утром на землю. Сейчас это был самый натуральный бомж, опустившийся забулдыга, которого с опаской обходили стороной редкие прохожие.

Сам того не заметив, Семён Яковлевич оказался на территории Александро-Невской лавры, и только у Троицкого собора он остановился, но не стал подниматься внутрь, а, тяжело вздохнув, медленно двинулся вглубь заросшего монастырского погоста. С полчаса побродив среди заброшенных могил, Семён Яковлевич остановился у одной из них и обессиленный уселся прямо на холмик, почти сравнявшийся с землёй. На завалившемся набок небольшом надгробном памятнике с погнутой пятиконечной звездой ещё можно было разобрать полустёртую от времени надпись: «Чугун...ин Се...ён Яко...евич. 1893 – 1932. Герою – ...атросу, ...ольшевнику, ...орцу за светлое б...дущее».

Сидя на собственной могиле, обхватив голову руками, Чугункин и не заметил, как подкрались сумерки и кладбище накрыл полумрак летней ночи. Думы путались и скакали в разгорячённом мозгу Чугункина. Ему казалось, что он попал в ад, что Пётр и Павел специально решили посмеяться над ним и нарочно отправили его в преисподнюю. Вот и собственная разорённая могила в десяти метрах от главного монастырского храма свидетельствовала об этом. Ведь когда только попал удивлённый Семён Яковлевич на облака, апостол Пётр так и сказал ему: «Святой, видать, ты человек, раз у входа в храм похоронен, ближе даже, чем великие князья, архиереи и многочисленная монастырская братия. Отсюда твоя душа без всякого там мандата и протекции напрямую к нам поступает. Здесь мы ни капельки не сомневаемся в том, что безгрешен ты, Сёма, и все деяния твои праведные. А потому милости просим к нам на вечные времена. Уход за тобой, Сёма, и на земле почитаемый останется, и у нас заботливый будет».

«А тут что ж, – с горечью думал Чугункин, – разор сплошной, и никакого почёта!..»

И не только могилка Семёна Яковлевича в таком положении оказалась, но и дружков его, соратников: Кукина Андрюхи, Ваньки Топоркова, Игната Лепёхина. Других же могилок – Лицитиса, Гельмана, Мюллера, Егенбеева – так и вовсе не стало.

«А как всех хоронили! При толпе народу, с речами пламенными, с залпами погромче колокольного звона, и вот те на – нет ничего, – с досадой ударил

кулаком оземь Чугункин. – У кого ж руки поднялись над святыми могилами дружков надругаться? Эх, времена б сейчас славной чекистской молодости вернуть! Быстро б архиерея со всеми монахами в заложники, и ультиматум: в сутки выдать зачинщиков, иначе – расстрел. И выдали б, куда делись бы! А уж Семён Яковлевич постарался б, отбил бы пулями всю охоту над пролетарской памятью глумиться».

Долго бы ещё просидел Семён Яковлевич, если бы не чьё-то осторожное прикосновение сзади.

– А? Что? – резко повернул голову назад Чугункин.

– Не положено тут, – наклонился над ним пожилой священник. – Поздно уже, домой пора.

– А я и так дома, – горько усмехнулся Семён Яковлевич, – идти мне больше некуда.

– Кладбище живому не дом, – укоризненно покачал головой священник. – И спешить сюда самому не стоит – грешно. Бог укажет, когда срок.

– Так я уже и не живой давно. Мёртвый я окончательно и бесповоротно. И тело мёртвое, а с сегодняшнего дня, пожалуй, и душа.

– Нет, нет, грех так говорить, – помог ему подняться с могилы священник. – Надо бы вам, молодой человек, на исповедь сходить, душу облегчить, груз с себя скинуть.

– Поздновато, пожалуй, батюшка, – вновь усмехнулся Семён Яковлевич и, не попрощавшись, захромал к выходу из Лавры.

Выйдя за ворота, он зашагал вдоль речки Монастырки на еле заметный невдалеке костерок. У костра расположилась группка из четырёх примонастырских нищих.

– Примите в компанию? – подошёл к бомжам Семён Яковлевич.

– А «бабки» на постой имеются? – подозрительно окинул его взглядом один из бомжей. – Нынче бесплатно ничего не даётся. Если «бабок» нет, шагай мимо, если есть, милости просим, местечко найдётся, не жалко.

Чугункин полез в карман и достал свои райские командировочные. Отсчитав от трёхсот рублей двести, он протянул их нищему.

– Хватит? Больше всё равно нет.

– Раз больше нет, значит, хватит, – философски ответил бомж и повернулся к зашевелившемуся у костра малолетке. – Давай, Макарона, сгоняй к Жабке, принеси пойла баклаху.

Небольшого роста грязный худой пацан зажал в кулаке деньги и молча исчез в полумраке парковых деревьев. За время его отсутствия бомжи не проронили ни слова. Семёну Яковлевичу тоже не хотелось разговаривать, и он всецело погрузился в свои мысли. Очнулся Чугункин от грубого толчка в плечо.

– На, пей, – протянул ему пластиковый стакан с какой-то вонючей жидкостью новый знакомый.

– Не, не хочу, – помотал головой Семён Яковлевич.

– Брезгуешь? – нахмурился нищий.

– Нет. Просто не хочу.

– Ну, хозяин – барин, – отвернулся от Чугункина бомж и сунул стакан малолетке. – На, Макарона, глотай.

Тот не заставил себя упрашивать, схватил стакан и судорожными глотками выпил содержимое. За ним выпили и остальные. Пройдя круг по третьему разу, бомжи стали ругаться между собой.

– Ты, Макарона, дерьмо, второй день на хвосте у нас сидишь, ничего в долю не вкладываешь. Завтра не заработаешь «бабок» – морду начистим!

– Так я ж болею, Степаныч, – захныкал малолетка. – Ты же знаешь, я отработаю.

– А на кой мы тебя должны поить, больного! Больные нам не нужны, проще тебя утопить в Монастырке, и дело с концом. От таких, как ты, только проблемы. Развелось вас тут, как тараканов.

– Да отработаю я, Степаныч, – всхлипнул малолетка и опасно отодвинулся в сторону от костра. – Вот те крест, отработаю, завтра же!

– А на кой мне завтра, сегодня надо было! – распаялся Степаныч, делая шаг в сторону пацана. – А то валяй к своим тараканам в теплотрассу, пусть тебя уж до конца подрежут, а не как в прошлый раз только наполовину.

– Не надо, Степаныч, – заплакал малолетка. – Я отработаю, клянусь, отработаю!

– Что, обделался, не хочешь к своим малолеткам? Тогда терпи, – и, скривив рот в садистской ухмылке, Степаныч с силой ударил его в лицо.

– А-а-а, – заголосил Макарона, укрыв голову руками.

И только Семён Яковлевич хотел вмешаться в начавшуюся расправу, как прозвучал резкий голос одного из бомжей:

– Атас, менты!

Через мгновение у костра остался один Чугункин, а ещё через полминуты на его голову обрушился мощный удар.

Пришёл в себя Семён Яковлевич в каком-то помещении за железной решёткой. Голова нестерпимо раскалывалась. Он осторожно дотронулся до макушки и вскрикнул от боли.

– Очухался, бомжара? Счас выясним, кто ты таков будешь. А ну, выходи! – решётчатая дверь со скрипом отворилась.

Чугункин тяжело поднялся с цементного пола и вышел из камеры.

– Пшёл, – грубо толкнул его в спину бугай в полицейской форме.

В кабинете, куда привели Семёна Яковлевича, находились ещё два полицейских.

– Документы есть? – приторно произнёс один из стражей порядка.

– Нет.

– А зовут как?

– Семён Яковлевич Чугункин.

– Еврей, судя по имени отчеству, – мило улыбнулся милиционер.

– Я ж говорил: урюк, – встрял в допрос другой. – Они, чернозады, все на одно лицо, задолбали уже в конец. Скоро нам места тут совсем не останется, развелось их столько.

– Не-е, Васёк, – продолжал улыбаться допрашивающий. – Еврей – не урюк, еврей-то покруче будет.

– В смысле? – с интересом посмотрел на Чугункина Васёк.

– Это как Ходорковский или Абрамович.

– Ух, ты! При «бабле», значит, – маленькие глазки Васька тут же сощурились, и он резко подался в сторону Семёна Яковлевича. – Урюк, «бабло» есть?

– Нет.

– Давай выворачивай карманы, олигарх дерьмовый! – скривился Васёк.

– Не имеете права! – прозвучало в ответ.

– Чего? – опешил Васёк. – Колян, он чего сказал?

– Он сказал, что ты права не имеешь, – хмыкнул Колян.

– Ах ты, урюк, ах ты, падло, про какие ты тут нам права вякаешь! – бросился на Семёна Яковлевича с кулаками Васёк.

Когда Чугункин пришёл в сознание в следующий раз, Васька в кабинете уже не было. За столом сидел Колян и что-то писал. Семён Яковлевич попытался встать, но голова закружилась, и он обессилено прислонился спиной к стене. Грудь нестерпимо ныла, голова была как чугунная, руки и ноги подрагивали от слабости.

– Сатрапы, – тихо произнёс Чугункин, – жандармы!

– А? – поднял лысую голову Колян. – Ожил, ну и хорошо. Счас протокольчик подмахнёшь – и спать в камеру.

– Какой протокольчик? – профессионально насторожился Чугункин, вспомнив свою работу в ЧК после гражданской войны.

– Ну, по поводу твоих грабежей запоздалых прохожих.

– Слушай, начальник, отпусти ты меня, – униженно захныкал Семён Яковлевич, подражая тем контрикам, которых сам когда-то допрашивал в начале двадцатых. – Ну, какой я грабитель? Сам видишь, пальцем ткни – и свалюсь. Ни обобрать, ни убежать не смогу.

– И то правда – доходяга, – задумался Колян.

– Вот видишь, – ощутив перемену в голосе полицейского, затараторил Чугункин. – А я в долгу не останусь. Отпусти, а? Я завтра и сумму тебе принесу, вот, ей-ей, принесу.

– Да чего ты принесёшь, бомжара! У тебя всего-то в кармане сотня целковых было, – брезгливо сморщился Колян и вдруг остановил свой взгляд на кроссовках Чугункина.

– Что, нравятся? – заискивающе улыбнулся Семён Яковлевич.

– Снимай.

Полицейский повертел обувь перед глазами и удовлетворённо вздохнул.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. Счас, подожди, дам тебе замену.

Колян вышел из кабинета и через десять минут вернулся назад, неся кончиками пальцев два истоптанных башмака.

– Вот, обувайся и вали отсюда, – бросил он к ногам Чугункина поношенную обувь. – Да смотри у меня, чтоб я больше тебя никогда в своём районе не видел, а то в следующий раз...

– Понял, понял, начальник, – угодливо улыбаясь, кланялся полицейскому Семён Яковлевич.

На улице утреннее солнце начинало потихоньку нагревать воздух и разгонять облака.

– Куда это он направился? – взволнованно обратился к апостолу Петру апостол Павел, наблюдая с одного из облаков, как весь избитый, грязный и помятый Семён Яковлевич семенит в чужих ботинках вдоль Невы к центру города. – Ему же в другую сторону, ему же к нам в рай пора. Опоздает ведь.

– К «Авроре» он спешит, – задумчиво ответил Пётр, глядя вслед удаляющейся фигуре Чугункина.

– Зачем?

– Революцию совершать.

– Пролетарскую? – в ужасе шарахнулся в сторону апостол Павел и чуть не упал с облака.

– Народную, – успокоил его апостол Пётр. – Он же праведник.